

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА (на материале произведений В. Быкова)

Л.В. Прохоренко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: lydmilavaleriavna@gmail.com

Статья посвящена одной из важных проблем в филологии – анализу особенностей перевода на близкородственные языки. Рассмотрены основные аспекты перевода: адекватность, общие требования к художественному переводу; вопросы, касающиеся особенностей профессионального перевода; вопросы языкового билингвизма авторских переводов некоторых произведений В. Быкова.

Анализ переводов произведений В. Быкова показывает богатство изобразительных средств родного языка, красоту его звучания, а также убеждает в том, что белорусский оригинал – это высококачественное произведение, которое трудно передать на другом языке. Было отмечено, что варианты перевода на русский язык отличаются большим разнообразием, что обусловлено различными причинами, особенностями индивидуального стиля переводчика.

Ключевые слова: перевод, оригинальный текст, адекватность, стиль, билингвизм, художественный перевод, эквивалентность

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE ORIGINAL AND THE TRANSLATION (based on the material of V. Bykov's works)

L.V. Prokhorenko,

Candidate of philological Sciences, Assistant Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, the Republic of Belarus

The article is devoted to one of the most important problems in philology – the peculiarities of the translation of phraseological units from Belarusian into Russian. The main aspects of translation are considered: adequacy, general requirements for literary translation; questions regarding the features of professional translation. Analysis of the translations of V. Bykov's works shows the richness of the visual means of the native language, the beauty of its sound, and also convinces us that the Belarusian original is a high-quality work that is difficult to convey in another language. It was noted that the options for translating units into Russian are very diverse due to various reasons: the presence of lacunae of a linguistic and non-linguistic nature, the characteristics of the individual style of the translator.

Key words: translation, original text, adequacy, style, bilingualism, literary translation, equivalence.

Введение

В последнее время при обсуждении проблем развития общелитературного языка и национальной культуры так или иначе возникают проблемы языковой коммуникации, билингвизма, диалога культур, их взаимодействия и взаимовлияния.

Проблема перевода литературных произведений очень актуальна для нашего времени. Качество переводов далеко не всегда высокое, авторский стиль передаётся не слишком удачно. Читатель, знакомый со стилем автора по другим переводам (а ещё лучше – читающий автора в оригинале), может сказать, что перевод фальшивый, и не передает духа оригинала. Когда речь идет о переводе технической и научной литературы, самое главное – не уклоняясь от оригинала, передать смысл, но для художественной литературы этого недостаточно. Переводчик должен почувствовать и передать авторский стиль.

В. Быков использует свой родной язык, переводчик же пользуется несколько иным инструментом – языком русским. Задача переводчика – создать адекватное произведение со всеми сильными и слабыми художественными сторонами оригинала, как можно меньше

от него уклоняясь. Переводчик – такой же писатель, соавтор произведения. Перевод – искусство, а не наука, он индивидуален и субъективен.

Существует такое понятие, как подстрочник. Это перевод, сделанный в точности, до запятой, текст, в котором теряется большая часть художественных достоинств оригинала, авторский стиль. При механическом переводе текст становится холодным, обезличенным, скучным. Иногда переводчик так вольно обращается с текстом, что авторского в нём почти ничего не остаётся: подобный текст превращается в пересказ.

Современная теория исповедует принцип адаптации, задача которой осложняется рядом факторов: многозначностью слов, синонимией, национальными реалиями, «игрой слов», основанной на специфических особенностях определенного языка, и системой культурных, языковых и мировоззренческих характеристик того или иного народа. А ещё переводчику надо перестраивать синтаксис предложений, выбирать наиболее подходящие эквиваленты, разъяснять читателю неологизмы и аллюзии автора. От личности переводчика, особенностей его восприятия и умения формировать определенные образы зависит очень многое. Недаром одно и то же произведение интерпретируется разными переводчиками по-разному.

Целью статьи является сравнительно-сопоставительный анализ произведений В. Быкова и их вариантов, принадлежащие не только мастерам перевода, но и сделанных самим автором.

Методы и материал исследования

Были использованы метод контекстного и текстологического анализа, описательный метод. Материалом исследования послужили произведения В. Быкова.

Результаты и их обсуждение

Имя В. Быкова известно во всём мире. Его произведения опубликованы более чем на пятидесяти языках и в первую очередь – на русском. Раннюю повесть «Журавлиный крик» (1960) перевела на русский язык В. Рудова, повесть «Третья ракета» (1962) – Н. Горбачев, «Обелиск» (1971) – Г. Куренев.

Чаще других переводил произведения В. Быкова на русский язык Н. Горбачев, поэтому мы обратились к его работам, например повесть «Третья ракета», которая в творческой биографии В. Быкова знаменует весьма важный рубеж: она выдвинула его в первый ряд военных писателей.

Н. Горбачев сохраняет в переводе «Третьей ракеты» типично Быковскую связь героического и обыденного, когда фронтовая повседневность в высшей степени драматична. Со стороны лексического соответствия перевод безукоризнен, он звучит натурально, в нём отсутствует языковая искусственность и натянутость. Переводчика нельзя упрекнуть в непонимании и неправильной передаче смысла отдельных слов или целых выражений:

«Буслы часта з'яўляюцца тут у сонечныя надвячоркі, лятаюць і кружацца, пэўна выглядаючы дзе якую балацявіну, трысняговую старыцу, лужок, каб палавіць спажывы, напіцца, а то і проста на буслінаму звычайу пастаяць у роздуме на адной назе. Але цяпер яны нікуды не могуць спусціцца, бо скрозь – ля старыц, у прырэчных балацявінах, на ўсіх лужках і дарогах – людзі. Не спраўляюцца буслы нагледзець што здатнае, як на зямлі пачынаюць грукатаць стрэлы – недзе там, у ветранай прасторы, злосна фыркаюць чмялі-кулі, буслы палахліва кідаюцца прэч – адлятаюць на захад, некуды ў бок недалёкіх Карпат» [1, с. 105].

«Аусты часта прылятаюць сюды в погожую предвечернюю пору и кружатся, наверно высматривая какое-нибудь болотце, камышовую заводь или лужок, чтобы поискать корма, напиться, а то и просто, по извечному обычаю, в раздумье постоять на одной ноге. Но теперь возле заводей, у приречных болот, на всех полях и дорогах –

люди. Не успевают птицы сколько-нибудь снизиться, как на земле начинают трещать пулеметные очереди, высокий голубой простор зло прошивают невидимые имели-пули, аисты пугливо бросаются в стороны и торопливо улетают к предгорьям Карпат» [5, с. 180].

Н. Горбачев обошелся с произведением достаточно свободно. Он изменил строго выверенную структуру текста, переставил абзацы, сократил либо дополнил их, заменил некоторые лаконичные и незначительные детали, использованные В. Быковым в обрисовке персонажей и их душевного состояния. В результате значительно изменился стиль повествования, нарушилась психологическая точность образов: «Як кольвечы мы ўсё ж вывалакваем гармату на пляцоўку, заносім станыны, Жаўтых, прыгнуўшыся, кідаецца туды-сюды, як запёрты ў клетку тыгр. Нізка схілены вусаты твар яго люты і страшны, на лапатках мокрая плямы ад поту» [1, с. 164].

«Кое-как мы все же вытаскиваем пушку на площадку, заносим станыны, Желтых, пригнувшись, кричит, командует, помогает затолкать пушку на место. Низко склоненное лицо его в поту и грязи» [5, с. 234].

Писатель изображает героя в момент большого психологического напряжения с помощью ярких эпитетов. В переводе же дано довольно спокойное описание действий героя, в результате чего образ просто нивелируется.

Ещё один пример: «Цяпер я адзін. Адзін з маёю вялікай мукай, любай маёю дзяўчынай. Я ўражаны яе пагібеллю, уражаны вайною, мой свяшчэнны пякучы намер, як сухая грудка ад кулі, рассыпаўся сёння ўшчэнт. Відаць, я слабы, я маленькая парушынка ў гэтых вялікіх жорнах вайны, што са страшэннай сілай перамолваюць людскія жыцці. У мяне не хапае ўжо маёй душэўнай сілы, каб супрацьстаяць пагібелі, змагацца, абараняць толькі сябе» [1, с. 219].

“Теперь я один. Один со своей бедой и своей несчастной любовью. Впервые я так безысходно чувствую нелепую свою беспомощность в этих огромных жерновах войны, что со страшной силой перемалывают тысячи людских жизней и уже дошли до моей” [5, с. 282].

В этом случае В. Быков передал внутренний монолог обессилевшего, разочарованного, душевно надломленного человека. Н. Горбачев снова значительно упростил психологический рисунок, который стал блеклым, невыразительным.

Можно сказать, что в переводе «Третьей ракеты» теряется то, что составляет сущность быковского стиля: философская глубина содержания, раскрытие богатства мыслей и чувств человека, лаконизм, напряженность и выразительность повествовательной манеры, выверенность жанровой формы, выразительность композиционных приёмов, яркая образность. Видимо, недаром писатель был разочарован русскоязычным вариантом своего произведения и занялся авторскими переводами.

В авторизованном варианте вышли такие повести «Круглянский мост» (1969), «Сотников» (1970), «Дожить до рассвета» (1973), «Волчья стая» (1974), «Его батальон» (1975), «Пойти и не вернуться» (1978), «Знак беды» (1982), «В тумане» (1987), «Карьер» (1986) и др. Иногда случалось так, что повесть сначала выходила на русском, а потом уже на белорусском языке. Например, повесть «Сотников» впервые вышла из печати в журнале «Новый мир», а через полгода была напечатана в журнале «Полымя». Таким образом, можно сказать, что В. Быков в равной степени владеет мастерством писателя и мастерством переводчика.

Рассмотрим переводческие манеры автора на некоторых примерах. Повесть «Сотников» – одно из самых глубоких и совершенных произведений писателя, которое дорого ему. Возможно, по этой причине в авторизованном переводе, который близок оригиналу, можно отметить тщательный подбор каждого слова.

Для наглядного примера сопоставим отрывки: *«Яны ішлі моўчкі па ранейшых сваіх слядах – цераз прыгуменне, уздоўж плота, выйшлі на касагорыну ля хмызняку. У вёсцы ўсё было ціха, нідзе з вокнаў не выбівалася ні плямкі святла, па-начному сонна шарэлі ў прыцемку заснежаныя стрэхі, сцены, платы, дрэвы ў садках»* [2, с. 35].

«Они шли молча по прежним своим следам – через гумно, вдоль проволочной ограды, вышли на склон с кустарником. В деревне все было тихо, нигде не проглянуло ни пятнышка света из окон; в сумерках по-ночному сонно серели заснеженные крыши, стены, ограды, деревья в садах» [6, с. 338].

Не всегда В. Быков переводил с белорусского на русский столь буквально, да это и невозможно, если пересозданием произведения занимается сам автор, поскольку *«...в переводе изначально, временами совсем неожиданно, проявляются различные стилевые несовершенства оригинала, уточняется психология героев, некоторые мотивировки их поступков»* [4, с. 100]. И действительно, в самых напряженных эпизодах произведения, когда герои переживают сильные душевные муки, писатель в значительной степени изменяет, корректирует текст, совершенствует его художественную сторону. Например: *«У ім усё нервова затрэслася ад гневу, які, аднак, вярнуў рэшыту ягонае сілы, і Сотнікаў неяк узгробся пад сцяной на адну нагу і павярнуўся да таго Стася. Ён, можа, толькі цяпер адчуў, якая яна, гэта Дзёмчыха, і міжвольна памкнуўся абараніць яе»* [2, с. 76].

«Взрыв гнева, однако, вернул часть его сил. Сотников как-то вскарабкался под стеной и, весь трясясь, повернулся к Стасю. В этот момент он не подумал даже, что его крик может оказаться последним, что полиция может пристрелить его. Он не мог не вступить за эту несчастную Демчиху, перед которой оказался безмерно виноват сам» [6, с. 381].

В авторизованном переводе текст значительно расширяется за счёт мотивировки поступка Сотникова. Писатель раскрывает его мысли и тем самым усиливает психологизм. Кульминационный момент – сцена казни Сотникова – пересоздан В. Быковым очень основательно и скрупулезно:

«Падстаўка яго кіўнулася ў раптам аслабленых руках Рыбака, які нязграбна курчыўся ўнізе, баючыся і, мабыць, не могучы наважыцца на апошнюю і самую страшную цяпер справу. Недзе заду мацюкнуўся Будзіла, і Сотнікаў, каб апярэдзіць непазбежнае, здаровай нагой штурхануў ад сябе цурбан» [2, с. 140].

«Подставка его опять пошатнулась в неожиданно ослабевших руках Рыбака, который неловко скорчился внизу, боясь и, наверное, не решаясь на последнее и самое страшное теперь для него дело. Но вот сзади матерно выругался Будила, и Сотников, вдруг потеряв опору, задохнувшись, тяжело провалился в черную, удушливую бездну» [6, с. 447].

Смерть Сотникова – «агитационная». Своим мужеством он стремится поддержать людей, согнанных к месту казни. Кроме того – и это самое важное, – опередив Рыбака, он сам выталкивает из-под своих ног чурбан и таким образом даёт Рыбаку возможность не превратиться окончательно в чудовище, остаться человеком, выбраться из жуткой трясины предательства или хотя бы остановиться. Эта сцена очень важна для понимания характера Сотникова.

В авторском переводе кардинально меняется психологический рисунок. Сотников не отталкивает от себя подставку, а просто теряет опору, это значит, позволяет Рыбаку осуществить казнь, не даёт ему возможности «реабилитироваться». Несколько строк изменяют идейную направленность повести и её первоначальный замысел, что позволяет говорить о новой редакции произведения. Повесть «Сотников», пожалуй, единственное произведение, в котором автор сделал достаточно важные смысловые и идейные правки.

Другие его переводы также оригинальны. При внимательном исследовании выявляется богатство мыслей и чувств Петрока и Степаниды, очевидное и в авторском переводе «Знака беды». Вот пример:

«Было ёй да гаркоты крыўдна ў душы і боязна, і чула яна: магчымасці яе людскага жыцця ўсё вузели – змяніліся. З кожным днём на свеце ўсё горшала, вайна ўчэпістай лапаю падбіралася ўсё бліжэй, а цяпер ды і зусім улезла ў хату на самы покуць, пад абразы. І што было рабіць апроч як бедаваць, лямантаваць, плакаць? Але слязьмі ды крывёю і так набрыняла зямля, што з таго шкоды вайне? Тады што ж – трываць усё моўчкі, чакаць лепшай часіны? Чула яна сваім сэрцам: за меншай бядой заўсёды дбае большая, тады заякочаеш, але хто табе паможжа?» [3, с. 47].

«На душы было тревожно и горестно, чувствовала она: возможности человеческой жизни сходили на нет. Война хватистой лапой подбиралась под иконы, в застолье. Но слезами и кровью и без того переполнилась нынче земля. Тогда что ж остается – терпеть всё и ждать лучших времен? Вряд ли дождёшься. Чувствовала она своим сердцем: за малой бедой последует беда большая, вот тогда зареветь и никто тебе не поможет» [7, с. 48].

Из этих отрывков видно, что авторский перевод очень близок оригиналу и хорошо передает душевные переживания героини. Каждая линия, каждый штрих ложатся на задуманный писателем эпизод внутреннего состояния Степаниды. Этот совершенный рисунок ничего не утратил и при авторском переводе, в котором талантливому прозаику удалось сохранить свой стиль.

Следует отметить, что при авторском переводе возникает ряд проблем: близость белорусского и русского языков порождает явление двуязычной полисемии и синонимии. Кроме того, билингвизм писателя и окружения, в котором он живет, иногда приводит к смешению элементов родного языка и языка перевода. Например, в авторском переводе повести «Знак беды» В. Быков использует транскрипцию отдельных белорусских слов вместо их перевода на русский язык: *сцезжа* – *стежка*, *спаліць* – *спалить*, *сваячок* – *своечок* и т. п. Иногда писатель использует кальки: *вяскоўцы* – *деревенцы*, *местачкоўцы* – *местечковцы*, *свінчо* – *свинёнок*. Есть в повести случай транскрибирования белорусскоязычного выражения, которое абсолютно искусственно и стилистически неправильно звучит по-русски: *«зіма паварочвала на вясну»* [3, с. 132], *«зима поворачивала на весну»* [7, с. 131].

В. А. Мясникова выделяет четыре типологических группы писателей по способу проявления билингвизма в творчестве: «Даследчыкі вызначылі некалькі тыпалагічных груп білінгвізму: 1. Творчасць на беларускай мове і аўтарскі / пераклад на рускую мову і наадварот; 2. Паралельная творчасць на рускай і беларускай мовах; 3. Часовы ці пастаянны пераход з двухмоў'я на аднамоў'е; 4. Творчасць толькі на рускай мове, пры якой пісьменнік адносіцца да беларускай літаратуры» [8, с. 59].

В. Быков относится к той типологической группе двуязычных писателей, которые, создавая то или иное произведение, публикуют его в авторском переводе на русский язык, что позволяет отнести автора к первой группе.

Помимо жизненных реалий, которые отражаются писателем, законов художественного творчества, наблюдается использование средств другого языка или диалекта, снижающее идейную и эстетическую ценность произведения. В этом случае мы можем говорить об интерференции в художественном тексте. Применительно к русско-белорусскому художественно-литературному двуязычию интерференция может быть охарактеризована как функционально не обусловленное употребление элементов русского языка в белорусских текстах в результате контакта языков. Она определяется как языковой компетенцией автора, так и его пониманием речевой культуры, отношением к кодификации языка, к взаимосвязям национального и русского языков и т. д.

Интерференция в повести В. Быкова «Обелиск» проявляется на различных уровнях: фонетическом (*рабяты, патрэбавалі*) – твёрдое произнесение сонорного [р]; (*пачотна, бясчысленыя*) – твёрдое произнесение [ч]; грамматическом (*проці жанчын*); графическом и орфографическом (*астаноўка, трудна, харошая, абшчэственнік*). Однако факты интерференции не всегда можно относить к языковым ошибкам: это особенно характерно для взаимодействия языков на лексическом уровне.

Повесть «Обелиск» построена в основном на монологах и диалогах героев. Контактируя между собой, эти люди, конечно же, не могут не использовать в своём языке слова и обороты, характерные для местности, в которой они родились и выросли.

Такие случаи употребления русизмов не являются фактами интерференции относительно языка автора, поскольку писатель создает речевую характеристику персонажей, в которой стремится отразить свои наблюдения над речью реальных носителей белорусско-русского двуязычия. Будучи включенными в текст, русизмы индивидуализируют речевые характеристики быковских героев.

Выводы

Перечисленные недостатки авторских переводов произведений В. Быкова не портят общего впечатления от переведенных текстов. Они остаются философски глубокими, отличаются выразительностью композиционного построения, строгостью и уверенностью жанровой формы, ёмкостью и совершенством каждой детали.

В целом авторские переводы достаточно органичны. Использование русизмов в произведениях В. Быкова обусловлено различными причинами: создание дополнительной смысловой, эмоциональной, экспрессивной, речевой и других характеристик образов; выявление специфического колорита – национального, бытового и др. Нередко русизмы выполняют несколько функций одновременно.

Літаратура

1. Быкаў, В. Збор твораў: у 6 т. / В. Быкаў – Мінск : Мастацкая літаратура, 1992. – Т. 1: Аповесці. Апавяданне. – 479 с.
2. Быкаў, В. Збор твораў: у 6 т. / В. Быкаў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1992. – Т. 2: Аповесці. – 463 с.
3. Быкаў, В. Збор твораў: у 6 т. / В. Быкаў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1994. – Т. 4: Аповесці. – 410 с.
4. Быкаў, В. Праўдай адзінай: літаратурная крытыка, публіцыстыка, інтэрв'ю / В. Быкаў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1984. – 262 с.
5. Быков, В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Быков. – М. : Молодая гвардия, 1985. – Т. 1: Повести. – 414 с.
6. Быков, В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Быков. – М. : Молодая гвардия, 1985. – Т. 2: Повести. – 495 с.
7. Быков, В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Быков. – М. : Молодая гвардия, 1985. – Т. 4: Повести. – 448 с.
8. Мяснікова, В. А. Білінгвізм: практыка вырашэння ў мастацкім творы / А. В. Мяснікова // Весн. Бел. дзярж. ун-та : Сер. Філалогія. – 1995. – № 1. – С. 59–61.

References

1. Bykov, V. (1992) *Collection of works: in 6 volumes (1 t)*. [Apovestsi. Apavadanne]. – Minsk : Mastatskaya Literatura. (In Bel).
2. Bykov, V. (1992) *Collection of works: in 6 volumes (2 t)*. [Stories]. – Minsk : Mastatskaya Literatura (In Bel).
3. Bykov, V. (1994) *Collection of works: in 6 volumes (4 t)*. [Stories]. – Minsk : Mastatskaya Literatura (In Bel).
4. Bykov, V. (1984) *The only truth: literary criticism, journalism, interviews*. – Minsk : Fiction (In Bel).
5. Bykov, V. (1985) *The Collection of Essays: in 4 volumes (1 t)*. [Stories]. – Moscow : Young Guard (In Russ).
6. Bykov, V. (1985) *The Collection of Essays: in 4 volumes (2 t)*. [Stories]. – Moscow : Young Guard (In Russ).
7. Bykov, V. (1985) *The Collection of Essays: in 4 volumes (4 t)*. [Stories]. – Moscow : Young Guard (In Russ).
8. Myasnikova, V. A. (1995) *Bilingualism: the practice of solving in a work of art*. Bulletin of the BSU. Ser. Philology (In Bel).